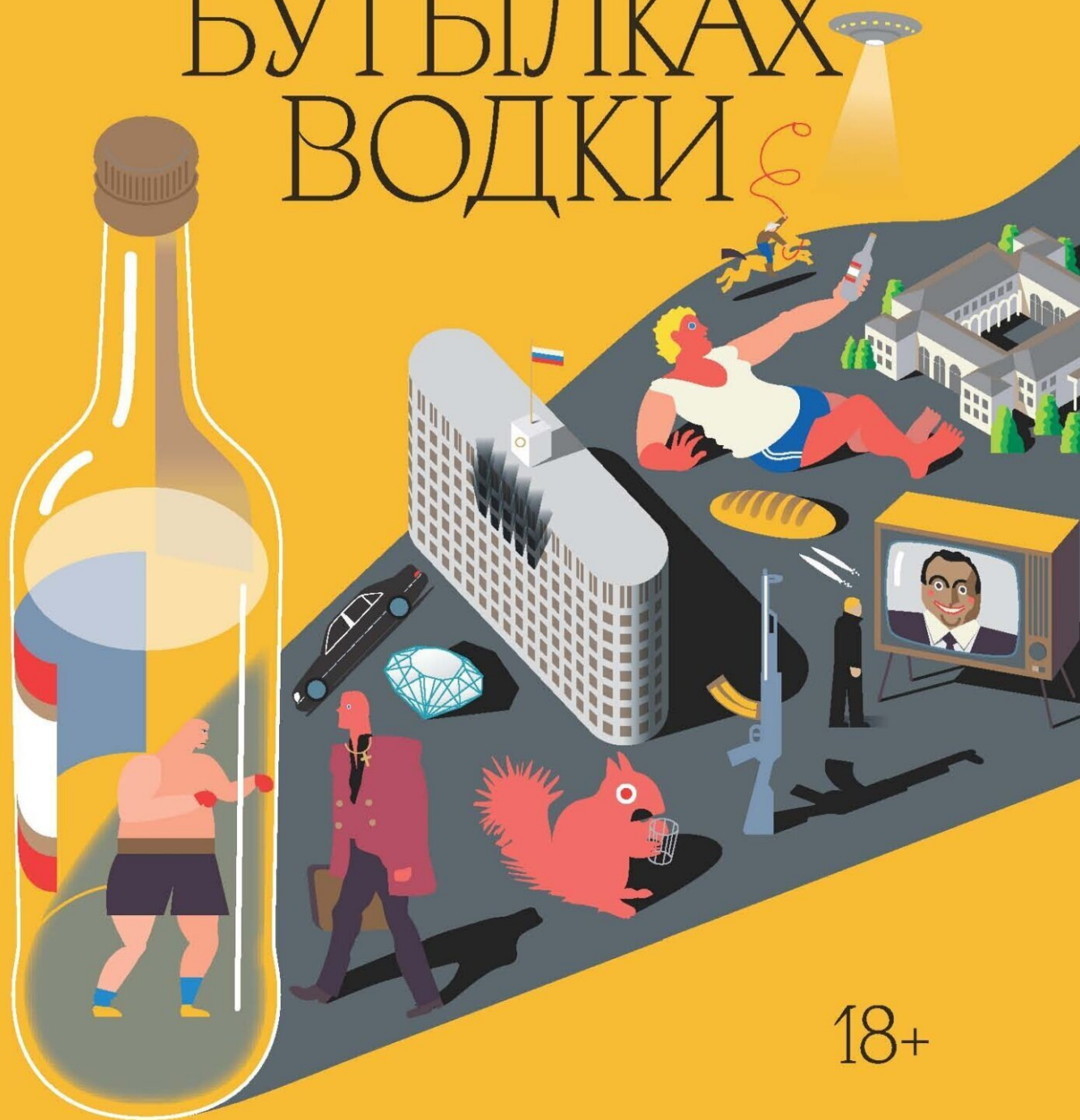

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В 14 БУТЫЛКАХ ВОДКИ

Денис Пузырев

Как
в основном
русском
напитке
замешаны
бизнес,
коррупция
и криминал

18+

Денис Пузырев

**Новейшая история России в 14
бутылках водки. Как в главном
русском напитке замешаны
бизнес, коррупция и криминал**

«Individuum»

2021

УДК 323
ББК 63.3(2)64

Пузырев Д. Г.

Новейшая история России в 14 бутылках водки. Как в главном русском напитке замешаны бизнес, коррупция и криминал / Д. Г. Пузырев — «Individuum», 2021

ISBN 978-5-6045426-3-7

Водка — один из неофициальных символов России, напитков, без которого нас невозможно представить и еще сложнее понять. А еще это многомиллиардный и невероятно рентабельный бизнес. Где деньги — там кровь, власть, головокружительные взлеты и падения и, конечно же, тишина. Эта книга нарушает молчание вокруг сверхприбыльных активов и знакомых каждому торговых марок. Журналист Денис Пузырев проследил социальную, экономическую и политическую историю водки после распада СССР. Почему самая известная в мире водка — «Столичная» — уже не русская? Что стало с Владимиром Довганем? Как связаны Владислав Сурков, первый Майдан и «Путинка»? Удалось ли перекрыть поставки контрафактной водки при Путине? Как его ближайший друг подмял под себя рынок? Сколько людей полегло в битвах за спиртзаводы? «Новейшая история России в 14 бутылках водки» открывает глаза на события последних тридцати лет с неожиданной и будоражащей перспективой. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 323
ББК 63.3(2)64

ISBN 978-5-6045426-3-7

© Пузырев Д. Г., 2021

© Individuum, 2021

Содержание

Пролог	7
Глава 1: «Кремлевская»	10
Охотник за бананами	10
Банды Нью-Йорка	12
Операция «Кобзон»	14
Фронта функционера	16
Указ на двоих	17
Кремлевский триумф	19
Крах кремлевской банды	20
Между молотом и наковальней	21
Контрольный выстрел	23
Глава 2: «Смирновская»	25
Баталия на Пятницкой	25
Поставщик царского двора	27
В коктейле Бонда	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Денис Пузырев
Новейшая история России
в 14 бутылках водки
Как в главном русском напитке
замешаны бизнес, коррупция и криминал

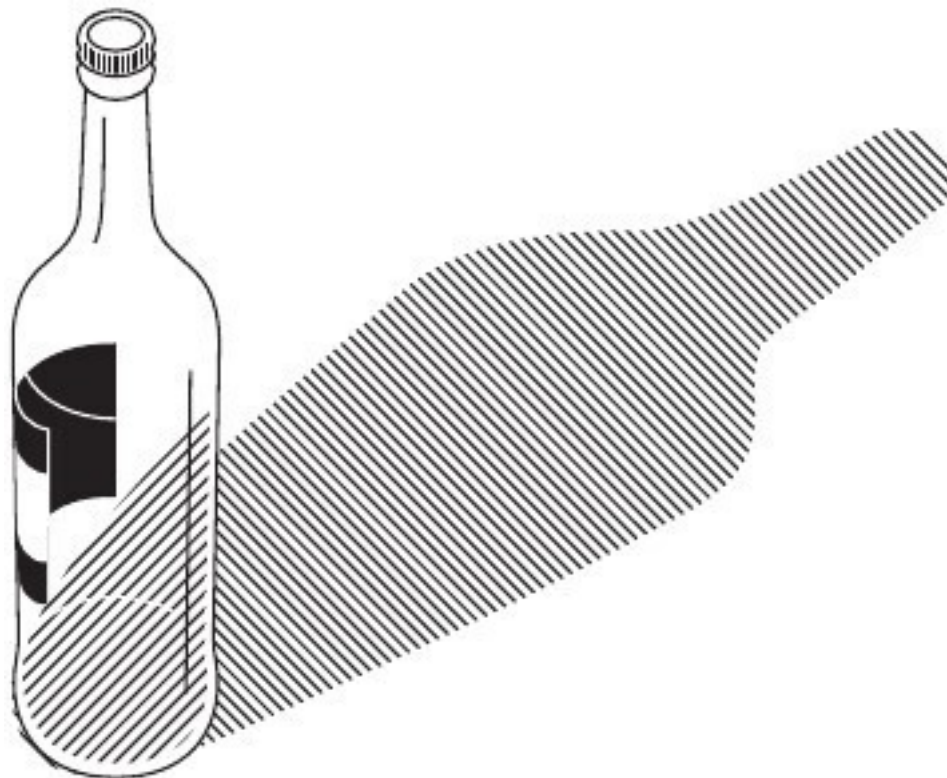
Посвящается моим лучшим друзьям Андрею Дельвигу, Мише Слону, Валерке Литовцу, Максиму Дерябину, которые никогда уже не смогут прочесть эту книгу. Но без них я вряд ли бы ее написал

© Денис Пузырев, 2021

© Иван Величко, обложка, 2021

© ООО «Индивидуум Принт», 2021

Пролог в котором автор открывает для себя новый мир

Перед вами книжка об истории того, как и чем жил последние тридцать лет российский водочный рынок. Звучит довольно скучно, не правда ли? Но не торопитесь с выводами – ведь это не просто очередная энциклопедия отдельно взятой индустрии с перечислением имен бизнесменов, компаний, показателями производства и доли рынка. Тут будет много такого, чего вы не ждете от этого унылого жанра: тонны героина и экстази, перестрелки, гламурные вечеринки новых хозяев жизни и высокие кремлевские покровители преступного бизнеса. Сюжеты, которые разыгрывались в российской алковселенной на протяжении трех десятилетий, достойны – я в этом совершенно уверен – не просто книжки, а целого остросюжетного сериала. Но давайте я для начала представлюсь и объясню, почему именно я взял на себя ответственность стать летописцем новейшей истории российской водки.

Утро 25 января 2010 года в Москве было каким-то не по-здешнему морозным. Пока я преодолевал 250 метров от выхода из метро «Калужская» до входа в серое мрачное здание, окна которого выходили на унылую промзону с бегающими по ней стаями бездомных собак, я прилично замерз и успел несколько раз пожалеть, что согласился поехать на собеседование, которое, объективно говоря, не сулило мне каких-то перспектив.

Мне было 34 года, за спиной – два десятка разнообразных редакций. Где только мне не приходилось работать – от студии музыкальной радиостанции до каких-то бессмысленных газет, где пить начинали прямо после обеда и каждая сдача номера в печать казалась невероятным и необъяснимым чудом. По правде сказать, я собирался завязывать с журналистикой. Профессия к тому времени меня изрядно разочаровала: маленькие зарплаты, высокий уровень стресса, ненормированный рабочий день. К тому же в большинстве московских изданий я чувствовал себя какой-то старой ветошью, работая в коллективе, где почти всем сотрудникам,

за исключением начальства, было слегка за 20. А я терпеть не могу чувствовать себя старой ветошью.

Поэтому, когда моя давняя приятельница Женя Перцева написала в аську (да-да, тогда все сидели в аське – прабабушке современных мессенджеров), что в РБК появилась вакансия автора в отдел потребительского рынка, я сразу отказался. Ну какой РБК? Я никогда до этого не то что не работал в деловой прессе, но даже не читал ни «Коммерсант», ни «Ведомости», ни «РБК Daily». «Им нужен автор на алкашку», – выложила тогда последний аргумент Женя. И вот тут я сдался. В конце концов, что я теряю? Я зашел в почту и отослал свое резюме.

С посиневшими на морозе руками я шел на собеседование в РБК и злился на себя за то, что ввязался в это дело, вместо того чтобы сидеть дома в тепле. Если у меня и был какой-то план представить себя самым подходящим кандидатом на эту вакансию, то к моменту, когда я входил в кабинет главного редактора, который из-за стеклянных стен называли «аквариумом», мой запал окончательно иссяк, и я решил рассказать все как есть.

«Честно говоря, я никогда не писал об алкоголе, и никаких знакомств на алкогольном рынке у меня нет, – признался я. – Я алкоголь знаю скорее с потребительской точки зрения. И не просто знаю, но даже очень люблю». На этих словах тогдашний главный редактор «РБК Daily» Петр Кирьян наконец оторвал взгляд от кипы бумажек, лежавших перед ним на столе, и с удивлением посмотрел на кандидата. Взял в руки резюме и с минуту разглядывал, словно пытаясь отыскать в нем хоть одну причину не послать меня куда подальше. И, кажется, нашел. «Так твоя фамилия Пузырев?» – поинтересовался редактор. Я кивнул в ответ. «А что, будет прикольно – Пузырев, который пишет про бухло! – радостно воскликнул Кирьян и рассмеялся собственной шутке. – Давай так: два месяца испытательный срок, а дальше посмотрим по результатам».

Слегка ошарашенный, я вышел на злой московский мороз, еще не понимая, что моя жизнь изменилась навсегда.

Когда ты работаешь в российском деловом СМИ и твоя задача – писать про рынок алкоголя, больше половины текстов неминуемо будут посвящены водке. В пиве мало драйва и событий: рынок поделен между крупными транснациональными корпорациями, которые дают не слишком много поводов для интересных тем. В вине тем гораздо больше, особенно сейчас, когда усилиями близких к Кремлю чиновников и бизнесменов русское виноделие внезапно начало вставать с колен такими рывками, что кажется, еще вот-вот – и Россия окажется в числе мировых винных держав. Однако в реальности мы еще на долгие годы обречены быть далекой и экзотической винной провинцией большого мира, а деньги, которые крутятся в этом бизнесе, не сравнимы с миллиардами, которые зарабатывают на главном алкогольном продукте страны. На водке.

Водка – особенный для России товар. И дело даже не в деньгах. Есть много отраслей, где прибыль не меньше, а зачастую и больше. Водка – это часть культурного кода России, такая же как березки в чистом поле, купола деревенских церквушек, улыбка Гагарина, строки Пушкина.

Я много раз проделывал нехитрый опыт: просил иностранцев назвать три слова, с которыми у них ассоциируется Россия. Это были самые разные люди из самых разных стран. И почти всегда одним из этих трех слов была «водка». Не нефть и газ, не руда и металлы, не православие, балет и сборная по хоккею. Именно водка для всего мира является олицетворением России. Это не хорошо и не плохо. Это данность, которую следует принять и просто жить с ней.

Каждый раз, когда я еду за границу, я думаю о том, что быть русским очень удобно. Я никогда не мучаюсь вопросом, какой подарок привезти из России, – просто беру водку. Даже если знаю, что те, кому этот подарок предназначен, не пьют ничего крепче кофе. Это совершенно неважно, ведь я везу им не просто опьяняющий напиток с крепостью 40 %. Я везу им частичку России, ее мистическую сущность, упакованную в стеклянную бутылку. И иностранцы всегда искренне рады такому подарку.

Сам я водку пью довольно редко. Не потому что не нравится. Просто в отличие от всех прочих алкогольных напитков водка в моем понимании требует особой атмосферы, обстоятельств и выполнения ряда обязательных ритуалов. И русские водочные ритуалы – это средоточие смыслов, в отличие от пошлого «лизни-глотни-кусни», придуманного маркетологами для продвижения текилы на глобальных рынках. «За тех, кто в море!» – неперенный тост в моем родном Мурманске, после которого шумный секунду назад стол затихает и все опрокидывают стопку не чокаясь. До дна, как рекомендовала в своем хите группа «Машина времени». Все знают, что этот тост – не просто за рыбаков и моряков. Это тост и за тех, кто уже никогда не вернется. Потому что море – это стихия смерти, и этот тост – за мертвых.

В первый год работы «алкогольным корреспондентом» газеты «РБК Daily» я часто ловил себя на мысли, что представители водочного бизнеса, с которыми мне приходилось общаться, постоянно что-то недоговаривают, а чиновники из госструктур, призванные контролировать бизнес, ведут себя странно и принимают решения, в которых не видно логики. Я злился. Мне казалось, что, возможно, я плохой журналист и не могу понять какие-то простые и очевидные вещи. И лишь со временем, погрузившись в этот мир, я понял, что всем им просто есть что скрывать!

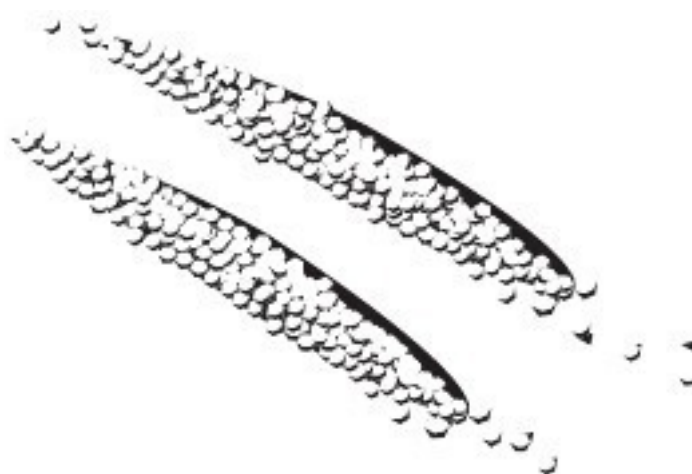
Производство и продажа водки в России были и до сих пор остаются одной из наиболее криминальных отраслей бизнеса. Причины очевидны. Водка – товар, потребители которого исчисляются десятками миллионов человек. При этом себестоимость самой жидкости – копеечная, а значительная часть цены формируется за счет высоких налогов. Если каким-то образом не заплатить эти налоги полностью или хотя бы частично, прибыль производителя становится колоссальной, а высокие обороты обеспечивают непрерывный поток кэша, живых денег.

Огромные деньги и технологическая простота самого процесса делали водочный бизнес привлекательным для бандитов всех мастей – от братков-отморозков, промышленявших рэкетом у торговых палаток и на вещевых рынках, до криминальных авторитетов, сумевших легализоваться и зачастую слиться с властными структурами. Многим героям этой книги было суждено оказаться в этом бизнесе тогда, когда степень его криминальности приближалась к ста процентам. И некоторые стали жертвами этой большой водочной войны.

В процессе сбора материала для книги я столкнулся с тем, что многие собеседники просили меня не афишировать их имена, даже если их рассказы касались событий 25–30-летней давности. «Не хотелось бы ассоциироваться с тем, что тогда происходило», – объяснил свою просьбу остаться инкогнито один уважаемый чиновник, в официальной биографии которого его алкогольный бизнес 1990-х скрыт за расплывчатой формулировкой «работа в ряде коммерческих фирм». Тем не менее я благодарен всем, кто согласился поговорить со мной и рассказать истории, которые вы прочитаете дальше. Но я прекрасно понимаю и тех, кто говорить отказался. Понимаю и не осуждаю.

Я надеюсь, эта книга будет интересна читателям далеко за пределами профессионального круга. Мне кажется, что эта история – не про водку. Это история про Россию. Это история самой России, на которую мы посмотрим сквозь призму мутного дна водочного стакана, чтобы лучше понять то, что случилось со страной за последние 30 лет.

Глава 1: «Кремлевская» в которой смешиваются спирт, спорт, кровь и героин

Охотник за бананами

В воскресенье, 13 января 2019 года, вертолет Bell 429 GlobalRanger, принадлежавший филиппинской полиции, совершил посадку на импровизированном аэродроме у деревушки Оринг, затерявшейся в джунглях юго-западной части острова Минданао. Лопасты «Глобал Рейнджера» еще продолжали лениво рубить плотный влажный воздух, а из красного салона машины на летное поле, выкошенное при помощи боло – местных огромных ножей, похожих на мачете, – прыгнули четверо пассажиров. Трое из них были филиппинцами. Группу возглавлял 65-летний, приземистый, как и большинство местных жителей, крайне энергичный мужчина в черной бейсболке по имени Манни Пиньоля.

Большинство встречавших неплохо знали Пиньоля: он много лет был губернатором соседней провинции Котабато. Впрочем, едва ли это было гарантией безопасности. Скорее наоборот. «Появись я здесь десять лет назад, то меня наверняка застрелили, повесили или изрубили бы в мелкий фарш», – написал Пиньоля на следующий день на своей страничке в фейсбуке. Но сейчас риск попасть в такую переделку был сведен к нулю. Пиньоля прилетел сюда с хорошими новостями.

Встречавшие делегацию Пиньоля мужчины выглядели весьма грозно. Многие из них были в военном камуфляже с внушительными автоматами наперевес. Они представляли Исламский освободительный фронт моро (ИОФМ), самую крупную и самую непримиримую группировку местных мусульман. Почти полвека их вооруженная борьба за автономию провинции Бангсаморо то затихала, то вновь разгоралась. Лишь в 2014 году был наконец подписан мирный договор: повстанцы согласились сложить оружие в обмен на вывод с их территорий правительственных военных баз. С этого момента в Бангсаморо воцарился непрочный мир, укрепить который и должна была миссия Пиньоля.

Козырем Манни Пиньоля был четвертый пассажир вертолета. Крепко сложенный мужчина заметно выделялся из общей группы. Неопределенного возраста, в джинсах и черной футболке, обтягивающей рельефные мышцы. Явно не местный: черты лица выдавали в нем скорее уроженца Южной Европы. И это было недалеко от истины. Пиньоля представил его собравшимся как Роберта Гаспара, русского бизнесмена с французским паспортом. Гаспар, по его словам, представлял группу российских инвесторов, которые готовы вложить невероятные

для этих мест восемь миллиардов филиппинских песо (более 150 миллионов долларов) в строительство на землях здешних сепаратистов крупнейшей в мире банановой плантации площадью в семь тысяч гектаров. Этот проект позволил бы дать постоянную работу десяти тысячам бывших исламских боевиков. Со сбытом проблем не возникнет, уверял Гаспар. Новый президент Филиппин Родриго Дутерте занял жесткую антиамериканскую позицию и на этой почве крепко сдружился с российским президентом Владимиром Путиным. Путин же заинтересован в использовании филиппинских портов российским военным флотом и взамен обещал содействие в сбыте филиппинских товаров на большом российском рынке. «Филиппинским бананам в России дан зеленый свет на самом высоком уровне, скоро вы станете обеспеченными людьми», – описывал Гаспар радужные перспективы.

Но выгодной для всех сторон сделке не суждено было случиться, и, каюсь, в этом есть и моя вина. Помню, был скучный, бедный на новости зимний вечер. Я сидел в редакции *Open Media*, где тогда работал, и от нечего делать изучал новостные ленты медиа стран третьего мира. Маленькая новостная заметка на филиппинском сайте о некоем инвестиционном проекте, связанном с бананами, не обещала ничего сенсационного. Однако глаз зацепился за фамилию инвестора – Гаспара, которого автор называл русским бизнесменом. Мне стало любопытно: каким же бизнесом занимался человек, которого судьба забросила в филиппинское захолустье и который готов вложить целое состояние в бананы на земле воинственных исламских сепаратистов?

Я открыл Google, вбил в строку поиска «Robert Gaspar russian businessman» и нажал на поиск. И тут для меня открылся настоящий портал в параллельные миры. Правда, не нашлось ни одного текста, который был бы посвящен непосредственно Гаспару. Он всегда был второстепенным персонажем, но успел поучаствовать в таком количестве захватывающих историй, что без лишней скромности скажу: получившаяся у меня в итоге заметка могла бы лечь в основу крутого голливудского боевика. Имя Гаспара фигурировало в делах, связанных с грабежами, торговлей наркотиками, отмыванием денег и коррупцией, а его самого называли членом мафии.

Спустя несколько дней после публикации правительство Филиппин неохотно объявило о расторжении сделки, а Роберт Гаспар в очередной раз в своей жизни исчез с новостных радаров. Где он находится сейчас – неизвестно. А жаль. Ведь именно он, Роберт Гаспар, – один из немногих оставшихся в живых участников событий, о которых пойдет речь в этой главе. Он мог бы добавить к моему рассказу очень много любопытных подробностей, но и без этого история водки «Кремлевская» – настоящий триллер. Триллер на фоне распада Советского Союза и рождения новой России. С предысторией, больше похожей на справочник по авторитетам «русской мафии», и с некрологом вместо послесловия.

Банды Нью-Йорка

Первая бутылка «Кремлевской» появилась на свет предположительно в 1990 году. То ли в Бельгии, то ли в Германии – сейчас уже сложно сказать точно. К Кремлю она не имела никакого отношения. Ничего примечательного: одна из мало кому известных европейских водок, эксплуатировавших русскую тему в названии и оформлении. До ее звездного часа, когда Kremlyovskaya станет одной из самых продаваемых водок в мире, оставалось еще четыре года. Однако история ее взлета началась за несколько лет до этого на другом берегу Атлантики – в Нью-Йорке.

В январе 1987 года на стол главы департамента полиции Нью-Йорка Бенджамина Уорда легло пухлое досье, озаглавленное «Джезри Бэнк». На фотографии – не лишенный привлекательности молодой человек лет тридцати с густыми вьющимися черными волосами. Похож на киношного итальянского гангстера. Впрочем, почему похож? Судя по собранной полицией информации, господин Бэнк и был самым настоящим гангстером. И даже наполовину итальянцем.

Из досье следовало, что человек с документами на имя Джезри Бэнк, 1956 года рождения, впервые попал в поле зрения правоохранительных органов еще в 1982 году: полиция Мюнхена выписала ордер на его арест, подозревая в ограблении ювелирного магазина. Судя по немецким документам, настоящее имя грабителя – Мариан Козина, он уроженец польского Катовице. Еще на родине Козина поменял документы, превратившись в Рикардо Фанчини: второе имя, данное Мариану при рождении, было Ричард, а отцом молодого бандита (которого тот, правда, никогда не видел), по семейной легенде, был итальянец по фамилии Фанчини. В конце 1970-х Козина (он же Фанчини) переезжает на ПМЖ в Германию, где занимается грабежами и рэкетом соотечественников – пока ему на хвост не садится мюнхенская полиция. Спасаясь от тюрьмы, он снова меняет имя – на Бэнка – и перебирается в Нью-Йорк, на Брайтон-Бич. Там, в «маленькой Одессе», он примыкает к «русской мафии».

Банды выходцев из СССР начали формироваться в этом районе Нью-Йорка в конце 1970-х. Они наладили связи с итальянскими мафиози и занимались с ними в основном контрабандой бензина. Но проворачивали и собственные аферы.

Одним из основных интересов русской мафии Нью-Йорка был ювелирный бизнес. Бандиты брали дань с ювелирных магазинов за «крышу» и держали собственные точки. И в 1985 году, как следует из полицейского досье, банда с Брайтон-Бич обчистила на Манхэттене крупную ювелирную компанию Jardinau – на 54 миллиона долларов. В офисы и мастерские компании были внедрены «свои люди», которые воровали золото и бриллианты. Для сбыта краденного мафиози открывали магазины-однодневки в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе.

Одним из владельцев таких точек был 25-летний уроженец Одессы Яков Тилипман – еще один важный герой этой истории. В первый раз Тилипман появляется в полицейской хронике тоже в 1982 году: 22-летний выпускник колледжа в Нью-Джерси украл спортивный костюм и провел год в тюрьме. Выйдя из заключения, он знакомится с Козиной, известным на Брайтон-Бич под кличками «поляк» и «цыган».

Распродав все золотишко из Jardinau, русская мафия Нью-Йорка стала осваивать новую тему, весьма экзотичную для 1987 года, но крайне актуальную сейчас, – мошенничество при помощи кредитных карт. В те времена авторизация карт при покупке осуществлялась при помощи звонка в банк: продавец магазина диктовал данные владельца карты, а банк подтверждал, что такой клиент есть и на его счету имеются деньги. Для аферы требовалось две вещи: база данных клиентов банка (ее бандиты раздобыли, подкупив сотрудников банка Merrill Lynch) и поддельные карты (с этим проблем не возникло). Дальше Козине, Тилипману и их подельникам оставалось лишь опустошать ювелирные и меховые магазины: владельцы креди-

ток не подозревали, что с их счетов списываются деньги, и обнаруживали пропажу лишь много позже.

Масштаб этих операций был не особенно велик. По данным полиции, бандиты сумели по фальшивым кредиткам скупить товаров всего на 750 тысяч долларов. Однако эта афера встревожила крупные американские банки. Они надавили на полицию, и та начала масштабное расследование. Тогда-то на столе руководителя департамента полиции Нью-Йорка и появилось досье на «Джезри Бэнка». Впрочем, у польско-итальянского мафиози Мариана Козины был отменный нюх на опасность – к тому моменту он уже был в Европе и вновь превратился в гражданина Германии Рикардо Фанчини (благо ордер на его арест в Германии был тогда уже недействительным). Осесть он решил в бельгийском Антверпене, ставшем к тому времени одним из центров восточноевропейской мафии.

Антверпен с его портом и крупнейшей в Европе биржей африканских алмазов был популярен среди бандитов разных национальностей. Из западной Африки, из Сьерра-Леоне, сюда приходили алмазы с приисков, которые контролировали хорошо знакомые Фанчини боссы русской мафии с Брайтон-Бич. Из Колумбии шел кокаин от дружественных наркокартелей, из Юго-Восточной Азии – Таиланда и Малайзии – завозили тонны чистейшего героина. Большая часть нелегального товара затем отправлялась на крупнейший рынок сбыта – в США, где розницей заведовали старые партнеры русской мафии из итальянских кланов. В общем, беглецу из Штатов было чем заняться.

Вслед за Фанчини в Антверпен вскоре перебрались и Тилипман, и еще один важный для нашей истории персонаж. На Брайтон-Бич 28-летнего Рубена Гаспаряна, уроженца Одессы, все знали как Робика. Весной 1989 года Робик угодил в пренеприятную передрагу. Пошел со знакомым на плевое, казалось, дело – вытрясти деньги из ювелира Безнера с 47-й улицы на Манхэттене. Безнер платить отказался, вспыхнула ссора, ювелира убили. Убил не Робик, а его знакомый, но вот неприятность – пистолет полиция нашла в квартире Гаспаряна. Ему светило пожизненное, но легендарный адвокат русской мафии Барри Слотник, защищавший многих авторитетных людей с Брайтон-Бич, помог ему выйти сухим из воды. Он убедил суд, что Гаспарян не соучастник, а свидетель. Оставшись на свободе (а его знакомому, к слову, дали 17 лет), Робик расстается и с Нью-Йорком, и с американским паспортом, и со своим именем. А вместо него в Антверпене объявляется некто Роберт Гаспар, гражданин Франции и будущая правая рука главы международной мафии Рикардо Фанчини. Тот самый Гаспар, который через тридцать лет прилетит в филиппинские джунгли ради крупнейших в мире плантаций бананов.

Операция «Кобзон»

Впрочем, я слегка забегаю вперед. В Антверпене Фанчини знакомится с еще одним выходцем из Одессы Рахмиэлем Брандвайном, скромным торговцем бытовой техникой. Но у Майка (так друзья звали Брандвайна) биография была под стать остальным героям этой истории. В 1970-х он эмигрировал из СССР в Израиль, пошел служить на военный флот, был оттуда изгнан за махинации с золотом, оказался под следствием и, не дожидаясь ареста, перебрался в Антверпен, где открыл свой магазинчик. Торговал телевизорами, магнитофонами и компьютерами, которые по дешевке закупал в Таиланде. Правда, впоследствии международное расследование установит, что магазин электроники был для Брандвайна скорее прикрытием: из-под прилавка он торговал нелегальным золотом и бриллиантами.

Но Фанчини предложил Брандвайну нечто значительно большее. Захватывающее дух. На пару с одним из боссов нью-йоркской русской мафии Борисом Найфельдом они объяснили Майку, что на тайландских телевизорах можно заработать куда больше, если наполнять катодные трубки местным героином. И вскоре через Сингапур в Антверпен и Гданьск потянулись тонны забитых героином телевизоров. Дальше в США наркотики переправлялись при помощи курьеров-поляков, которые без труда получали гостевые визы в Америку для посещения родственников. А в аэропортах американская таможня не сильно шмонала прибывающих поляков – считалось, что это «чистое» с точки зрения контрабанды наркотиков направление. За один авиарейс в США переправлялось до восьми килограммов героина.

Деньги от наркотрафика полились рекой. Но возникла проблема: как их легализовать? Решение предложил Иосиф Кобзон. Тот самый. Исполнитель патриотических песен и патриарх советской эстрады. Кобзон никогда не скрывал своего знакомства с людьми, которых американская полиция назвала русской мафией и считала опасными преступниками. Например, с Борисом Найфельдом по прозвищу Биба. В 1995 году в интервью газете «Московские новости» Майк Брандвайн рассказывал, что именно Кобзон, с которым он познакомился через Найфельда, свел его с генералами, возглавлявшими Западную группу войск (ЗГВ) в Германии.

ЗГВ к тому времени представляла собой странное образование, попавшее в щель при сдвиге тектонических плит мировой истории. Полумиллионная группировка, созданная после Второй мировой как военный авангард холодной войны и защитник стран Варшавского блока, к концу 1980-х полностью утратила свой стратегический смысл. Социалистический блок разваливался на глазах – как и сам Советский Союз, откуда, впрочем, советским военным по инерции продолжало идти государственное финансирование. И при этом на территории советских военных баз не действовали немецкие законы, полиции туда вход был запрещен.

Найфельд, Фанчини и Брандвайн быстро нашли общий язык с советскими генералами. Схема была такая: компания M&S International, зарегистрированная компаньонами в Бельгии, продавала ЗГВ продукты питания, одежду и технику по завышенным ценам. Генералы расплачивались бюджетными деньгами и получали откат. Дело было настолько успешным, что M&S создала российскую дочку – M&S Intourcenter, через которую были налажены поставки импортного алкоголя, продуктов и ширпотреба в Россию. С точки зрения немецкого законодательства деятельность M&S находилась в абсолютно легальном поле – бандиты даже платили налоги. Главным было другое. Через этот канал Найфельд и Фанчини получили возможность отмывать и легализовывать свои героиновые деньги.

По проторенной M&S дорожке на открывшийся российский рынок устремились и другие фирмы и фирмочки, связанные с международными преступными группировками. Среди них – совместное предприятие (СП) «Русская Америка», учрежденное в Антверпене уроженцем Одессы Марком Нуделем и хорошо знакомым нам Яковом Тилипманом.

Сначала компаньоны поставляли в Россию обувь и дубленки, но затем переключились на алкоголь. «Русская Америка» сделала ставку на телерекламу, а лицом компании стал еще один «человек из Одессы» – создатель кабаре-дуэта «Академия» Александр Цекало, который до переезда в Москву работал в одесском Театре эстрады. По ТВ бесконечно крутили ролики «Русской Америки», в которых Цекало сидит за столом, заваленным самым популярным импортным алкоголем: спиртом Royal, ликером Amaretto, коньяком Napoleon и прочими напитками, названия которых уже и не вспомнить. Среди огромного ассортимента ноунейм-водок «Русской Америки» была и «Кремлевская» – на тот момент ничем не примечательная, одна из многих других. До ее взлета оставалось еще три года.

А пока рекламные ролики упирали на другое. «Ну очень смешные цены!» – убеждал Цекало любителей спиртного. Цены на алкоголь у «Русской Америки» действительно были привлекательными – ведь весь продаваемый Тилипманом и Нуделем товар ввозился в Россию по линии Национального фонда спорта, а НДС был освобожден от уплаты таможенных пошлин на импортируемые спиртные напитки и сигареты. Свои невиданные в истории преференции НДС получил лично от первого президента России Бориса Ельцина.

Фронта функционера

Осенью 1987 года 56-летний советский партийный функционер Борис Ельцин перешел свой персональный Рубикон, превратившись в главного оппозиционера страны и отрезав себе путь назад, к былой номенклатурной жизни. Перерождение карьерного советского топ-чиновника произошло неожиданно. Вся предыдущая жизнь Ельцина укладывалась в классические советские карьерные каноны: простой рабочий, потом прораб на стройке, которого стали двигать по партийной линии, секретарь регионального обкома КПСС в Свердловске, затем, в 45 лет, глава Свердловской области. В 1985 году – очередное повышение. В Москве сняли первого секретаря горкома КПСС Виктора Гришина, только что проигравшего конкуренцию за главный пост в стране Михаилу Горбачеву. К тому моменту 70-летний Гришин возглавлял столицу уже 18-й год, и на его место подтянули молодого по меркам партийной элиты того времени 54-летнего уральца Ельцина.

Ельцин в те годы вел спортивный образ жизни. Ходил на лыжах, неплохо играл в волейбол. Попав в Москву, он открыл для себя теннис – вид спорта, не слишком популярный в СССР, но имевший имидж элитарного. Несколько раз в неделю Ельцин ездил играть в спорткомплекс на Воробьевых (тогда еще Ленинских) горах.

Но не прошло и двух лет, как новоприобретенными привычками партфункционера Борис Ельцин решил пожертвовать. 21 октября 1987 года он выступил с речью на Пленуме ЦК КПСС, в которой обвинил партийную верхушку в желании свернуть начатую Горбачевым перестройку, а самого Горбачева – в формировании культа личности. Скандальную речь не напечатали в газетах – она распространялась в самиздате, причем в вариантах, очень сильно не совпадавших с реальной стенограммой. Советским людям особенно нравилась та часть, где Ельцин якобы обвинил жену генсека Раису Горбачеву во вмешательстве в процессы принятия решений мужем. Раиса Горбачева вызывала раздражение у многих обывателей. Ее имидж первой советской леди, ее наряды, которые невозможно было приобрести в обычных магазинах, – все воспринималось как вызов и желание подчеркнуть свое превосходство.

На самом деле Ельцин не упоминал Раису, да и вообще почти сразу же пошел на попятную, назвав свое выступление ошибкой, – но исторический процесс было не остановить. Ельцин стал по-настоящему популярным в народе политиком. Самодельные значки «Борис, ты прав», «Борис – борись» продавали в центре Москвы за полтора рубля, и они пользовались огромным спросом.

Однако с политической карьерой Ельцина, казалось, было покончено – ведь вне компартии легальной политики в Советском Союзе тогда не существовало. Для того чтобы снять стресс после скандала на партконференции, Ельцин отправился на отдых в Юрмалу, в принадлежавший Министерству обороны санаторий «Рижское взморье». Этот отпуск станет важной вехой в истории российской водки.

Указ на двоих

«Однажды от группы отдыхающих, которые играли в футбол прямо на пляже, отделился долговязый мужчина и бросился к нам, – вспоминал в книге „Борис Ельцин: от рассвета до заката“ начальник ельцинской охраны Александр Коржаков. – Я насторожился. Но вид у него был сияющий, с улыбкой до ушей». Ельцин узнал долговязого. Им оказался главный тренер сборной СССР по теннису Шамиль Тарпищев, проводивший с командой сборы в Юрмале.

Сам Тарпищев вспоминает, что познакомились они за год до этого на матче Кубка Дэвиса сборной СССР против голландцев: он встретил чету Ельциных на входе и проводил их в ложу почетных гостей. Находившийся в опале Ельцин, от которого в тот момент многие отвернулись, оценил жест молодого тренера. И теперь при встрече в Юрмале с удовольствием согласился сыграть с ним в паре против писателя-сатирика Михаила Задорнова и члена сборной СССР Сергея Леонюка.

В 1991 году Тарпищев стал личным тренером Бориса Ельцина – к тому времени уже первого президента России, – а в 1992 году получил и официальную должность – советника президента РФ по физической культуре и спорту. В июне 1992 года по рекомендации Тарпищева Ельцин учреждает Национальный фонд спорта, который должен был привлекать коммерческие структуры к развитию массового спорта и спортивной индустрии. У самого государства денег на финансирование спорта не было. Ведущие спортсмены массово уезжали за рубеж. А те, кто за рубежом был никому не нужен, пополняли ряды криминальных группировок.

Для начала НФС получил право ввозить в Россию спортивное оборудование без таможенных пошлин. Но средств на его закупку все равно не было. Коммерческие структуры тоже не горели желанием давать деньги на разваливающийся российский спорт. Правда, Тарпищев смог найти спонсора для теннисной сборной: в 1992–1993 годах поездки теннисистов на игры Кубка Дэвиса оплачивала некая московская фирма «Новик». Спустя десять лет бизнесмен Алимжан Тохтахунов, известный как Тайванчик, в одном из интервью признался, что деньги теннисной сборной по просьбе Тарпищева давали он и его партнеры – братья Лев и Михаил Черные (спустя несколько лет они станут крупнейшими владельцами российских металлургических заводов). СМИ тех лет открыто называли братьев Черных «коммерческим подразделением» Измайловской ОПГ.

Тайванчик всегда был равнодушен к спорту. В юности он и сам играл в футбол за ташкентский «Пахтакор», но его настоящим призванием стали карты: Тохтахунов прослыл одним из самых известных «катал», карточных шулеров. Ставки в играх с ним были самые высокие. С братьями Черными познакомился еще в детстве – они росли в одном ташкентском дворе, а с Михаилом даже учились в одном классе. Слава топового карточного игрока помогла Тайванчику завести множество влиятельных знакомых в самых разных сферах: артисты, спортсмены, чиновники и криминальные авторитеты называли его своим другом. В одном из интервью Иосиф Кобзон (опять он!) говорил, что использовал свои связи, чтобы освободить Тохтахунова, арестованного милицией по статье за тунеядство.

В 1989 году Тохтахунов перебрался в Германию, где влился в бизнес Кобзона по поставке в СССР через Западную группу войск импортных продуктов, в том числе спиртных напитков. Но не забывал он и своего старого друга Тарпищева, который в начале 1990-х внезапно оказался в ближнем круге первого лица государства. И вскоре эти двое придумали, как использовать ресурсы одного и связи другого. 22 ноября 1993 года Ельцин – разумеется, с подачи своего советника Тарпищева – подписывает указ с невинным названием «О протекционистской политике Российской Федерации в области физической культуры и спорта». По нему тарпищевский Национальный фонд спорта получил право беспошлинного ввоза подакцизных товаров – алкоголя и табака. Смысл схемы был такой: аккредитованные НФС коммерческие

компании ввозят в Россию алкоголь и сигареты, а пошлины выплачивают не таможене, а непосредственно НДС. Заработанные фондом деньги должны были идти на финансирование спортивных соревнований.

«Через НДС тогда работали все, – вспоминает топ-менеджер крупного производителя водки, в те годы работавший в компании, занимавшейся импортом спиртного. – При этом, если оформлять „по-белому“, то есть со всеми накладными, бухгалтерскими документами и прочим, то пошлина составляла 50 % от таможенных платежей, действовавших до этого. Так работали, например, законопослушные западные компании с репутацией. Но основной объем шел „в черную“ – вообще без бумаг, за 20 % от суммы пошлины. Акцизные марки надо было получать у измайловских бандитов».

От измайловской братвы деятельность НДС контролировал 24-летний Павел Задорин – племянник авторитетного, как тогда было принято писать, бизнесмена Льва Черепова, по кличке Череп. Как рассказывал гендиректор НДС Борис Федоров, Черепов – двоюродный брат братьев Черных – отвечал в группировке за непосредственное общение с Тарпищевым, у которого якобы бывал каждый день.¹

В Петербурге, через порт которого и шли поставки водки по линии НДС, Задорин зарегистрировал две фирмы, «Вип Риэлти» и «Эс Джи Эс», где его партнером был молодой бизнесмен Игорь Чуян. Спустя полтора десятилетия Чуян станет главой Росалкогольрегулирования и крупнейшим в истории торговцем левой водкой. Запомним его. Эта масштабная личность еще не раз появится на страницах книги.²

Сам Задорин после краха НДС вместе со своим братом Валерием создаст торговый дом «Арома», ставший крупнейшим импортером молдавских вин в Россию, а вслед за ним – сеть магазинов «Ароматный мир», работающую до сих пор. Останется в этой семье и место спорту: невестка Валерия Задорина Анастасия основала компанию Za Sport. С 2018 года это официальный экипировщик Олимпийской сборной России.

¹ Все эти удивительные подробности стали известны широкой публике после того, как в 1996 году любитель интриг и многоходовочек Борис Березовский слил в «Новую газету» запись разговора Федорова с не названной в тексте парой, в которой внимательный читатель тех лет легко узнавал дочь Бориса Ельцина Татьяну Юмашеву и ее мужа Валентина. В те годы сливы компрометирующих записей и видео в центральные газеты или даже телеканалы были популярным жанром, который никого не удивлял. – *Здесь и далее примечания автора.*

² На самом деле Игорь Чуян был наемным менеджером у братьев Задориных, выполняя функции коммерческого директора. Позднее, когда он станет главой Росалкоголя, он предоставит бывшим боссам эксклюзивные права на ввоз в Россию коньячных спиртов из Армении и создаст преференции их сети «Ароматный мир». Как рассказывают, на рынке Чуян до сих пор является совладельцем «Ароматного мира».

Кремлевский триумф

В начале 1994 года нью-йоркская полиция выследила и арестовала создателя героиновой схемы и совладельца компании M&S Бориса Найфельда. Оставшись без старшего партнера, Рикардо Фанчини вспомнил про своего давнего нью-йоркского приятеля Якова Тилипмана, компания которого – «Бенитекс» – на тот момент уже всю торговала через НФС, став одним из его крупнейших партнеров.

Фанчини вместе с Тилипманом создает в Антверпене новую компанию – Trading Unlimited, чья бизнес-концепция отличалась от схемы «Русской Америки». Вместо десятков ноунейм-брендов алкоголя Фанчини предложил сделать ставку на один и вложиться в его маркетинг. Проведя ревизию водок из портфеля компании, он остановил выбор на «Кремлевской». К делу подошли серьезно: за дизайн водки Kremlyovskaya De Luxe взялась лондонская дизайнерская фирма Clusens. Розлив отдали известному в Бельгии производителю аквавита Smeets, а рекламные ролики заказали крупному английскому маркетинговому агентству Young & Rubicam.

В 1994 году, когда поставки обновленной «Кремлевской» в Россию еще даже не начались, эфир российских телеканалов заполонила реклама новой водки: махнув стопку «Кремлевки», советский секс-символ Ивар Калныныш побеждал коварного главу мафии в исполнении Семена Фарады. «Кремлевская – закаляет характер», – гласил слоган новой водки, уже через месяц хлынувшей в Россию. Фанчини и Гаспар остались на хозяйстве в Антверпене, Тилипман отправился на родину, где «Бенитекс» открыл офис в индустриальном лабиринте складов на 5-й Магистральной улице.

Параллельно с этим компаньон Тилипмана по «Русской Америке» Марк Нудель начал поставлять в Россию водку под брендом «Белый орел», также сопровождая запуск агрессивной рекламой. Ролики для «Белого орла» делал молодой режиссер Юрий Грымов.

Успех «Кремлевской» в 1994–1995 годах был феноменальным. Еще вчера никому не известная водка стала номером один в России и одной из наиболее продаваемых водок во всем мире. За неполный год было продано 36 миллионов литров «Кремлевки». Водка была спонсором любимого теннисного турнира Ельцина – Кубка Кремля, а также международного Кубка Дэвиса. В том же году логотип бельгийской водки появился на болидах команды Formula 1 Jordan Peugeot, которыми управляли Рубенс Барикелло и Эдди Ирвайн. «Бенитекс» подписал эксклюзивные контракты с главными клубными площадками Москвы середины 1990-х: «Арлекино» и «Титаником».

В начале 1995 года Фанчини, к тому времени переименовавший Trading Unlimited в Kremlyovskaya Group, приобрел за 20 миллионов долларов роскошную яхту Kremlyovskaya Princess, на которой проходили гламурные вечеринки на Лазурном Берегу. Поговаривали, что свое имя яхта получила в честь дочери Ельцина Татьяны Юмашевой.

1995 год стал пиковым в истории «Кремлевской»: мировые продажи достигли 45 миллионов литров, а оборот компании – почти 200 миллионов долларов. В международном рейтинге крепкого спиртного Kremlyovskaya de Luxe вышла на четвертое место по объемам продаж, обогнав шведов из Absolut.

Крах кремлевской банды

Однако новый 1996 год обернулся для владельцев «Кремлевской» катастрофой. Неприятности у них начались еще в конце 1995-го: в бельгийской прессе появились публикации о том, что зарегистрированная в Антверпене Kremlyovskaya Group связана с международной оргпреступностью и через поставки водки отмываются деньги, заработанные на поставках наркотиков в США. Расследования не прошли незамеченными: контракт с «Кремлевской» разорвала Jordan Peugeot, а бельгийская полиция начала проверку и даже обратилась за помощью к коллегам из ФБР.

Другой удар пришел из России. Деятельность НФС стала предметом жестких дискуссий в правительстве и Госдуме. Тарпищев к тому времени уже не имел формального отношения к деятельности фонда. В 1994 году он был назначен главой Госкомспорта и передал операционное управление фондом своему заму – молодому банкиру Борису Федорову. При Федорове деньги из фонда стали исчезать. Формально они вкладывались в различные активы: недвижимость, санатории, даже завод по огранке алмазов. Но большая часть уходила компаниям-однодневкам, исчезавшим вместе с деньгами.

Спортсменам доставались копейки, разве что теннисный Кубок Кремля и футбольный Кубок Содружества стабильно финансировались за счет НФС. Глава Олимпийского комитета России Виталий Смирнов жаловался, что НФС обещал выделить для подготовки спортсменов 540 миллионов долларов, но до ОКР дошли лишь 20 миллионов.

Главным противником льгот НФС на беспошлинный ввоз алкоголя был первый вице-премьер правительства Анатолий Чубайс, курировавший финансовый блок. В конце 1995 года ему удалось провалить решение, лишившее спортсменов этих привилегий. Его противники утверждали, что Чубайс тем самым выполнял пожелание транснациональных табачных компаний, мечтавших выйти на российский рынок. Табачники обещали инвестировать в строительство крупных заводов в России, что, к слову, действительно вскоре произошло.

Импорт водки потерял смысл: по новым законам за каждую поллитровку «Кремлевки» теперь надо было заплатить таможене четыре с половиной доллара, при том что до этого столько же составляла ее отпускная цена со склада Тилипмана на 5-й Магистральной. Правда, как говорят ветераны алкорынка, водку еще полгода продолжали возить по прежней льготной схеме, оформляя договор поставки задним числом.

Между молотом и наковальней

Рикардо Фанчини все же пытался спасти свой русский бизнес. Розлив «Кремлевской» запустили на ликеро-водочном заводе во Владимире, Фанчини с Федоровым создали очередную компанию, в которую планировали вложить 45 миллионов долларов. Но это уже была агония.

Борису Федорову откровенно не повезло оказаться в начале 1996 года сразу меж двух огней. Летом в России должны были пройти президентские выборы. Рейтинг Ельцина едва вышел над нулем, впереди маячил коммунистический реванш. В окружении Ельцина возникли два центра силы. Одним была группа, в которую вошли глава Службы безопасности президента Александр Коржаков, вице-премьер Олег Сосковец, глава ФСБ Михаил Барсуков и примкнувший к ним министр спорта Шамиль Тарпищев. Им противостояла группа, сплотившаяся вокруг бизнесмена Бориса Березовского, который привлек на свою сторону дочь президента Татьяну Юмашеву, Чубайса и представителей крупного бизнеса – тех, кого позже станут называть олигархами.

Обе группировки рассчитывали на черный нал НФС, убеждая Федорова занять их сторону. По версии Коржакова, в конце марта 1996 года Федоров по просьбе Чубайса привез тому десять миллионов долларов наличными «на предвыборные нужды». Передачу денег отследили силовики – Тарпищев и Коржаков вызвали Федорова на ковер и потребовали «вернуть деньги, украденные у спортсменов». В поисках защиты глава НФС помчался в знаменитую резиденцию Березовского – дом приемов «Лого-ВАЗа» на Новокузнецкой улице. Там, помимо хозяина, его ждали Татьяна Юмашева и ее муж Валентин. Спустя четыре месяца стенограмма записи их разговора будет опубликована в «Новой газете» и вызовет огромный резонанс.

Выше я уже ссылался на эту публикацию – именно благодаря ей стали известны многие детали интересующих нас событий. В том числе и то, как перепуганный Федоров жалуется, что Тарпищев вымогает у него 10 миллионов долларов. А потом подробно, хотя и путано, рассказывает о связях бывшего шефа и начальника президентской охраны Коржакова с бандитами из измайловской группировки.

Но еще до публикации скандального разговора, в мае 1996 года, Федорова задержала милиция в Новогорске: при досмотре в его машине обнаружили пакет с кокаином. На пост главы фонда был назначен ставленник Коржакова, полковник МУРа Валерий Стрелецкий, инициировавший проверку финансовой деятельности НФС. По версии ФСБ, ущерб государству путем хищения денег через НФС составил 1,8 миллиарда долларов, хотя понять, как считали ущерб в «конторе», сейчас уже нереально.

Федорова выпустили под подписку о невыезде, а уже через неделю на него было совершено покушение. Киллер выстрелил в него, затем пистолет заклинило, и тогда он четыре раза ударил Федорова ножом. Экс-глава НФС выжил. А вслед за этим «партия олигархов» нанесла своим противникам-силовикам решающий удар, обвинив их в подготовке переворота. Сосковец, Барсуков и Тарпищев потеряли посты в правительстве, был уволен и всемогущий Коржаков. Принадлежавший олигарху Владимиру Гусинскому телеканал НТВ вскоре продемонстрировал зрителям видео встречи Тарпищева в Израиле с находившимися в розыске братьями Черными и Алимжаном Тохтахуновым, подтверждая тем самым рассказы Федорова.

А Фанчини тем временем по-тихому свернул в Бельгии свою Kremlyovskaya Group: он зарегистрировал одноименную компанию в США, переведя на нее активы и деньги бельгийской тезки. Практически сразу американская Kremlyovskaya Group была продана компании Asia Media Communications. Бенефициарами обеих компаний в документах значились Рикардо Фанчини и Роберт Гаспар.

Бельгийская Kremlyovskaya Group объявила о банкротстве, ссылаясь на то, что российский рынок оказался для нее закрыт, – и отказалась платить по счетам за дорогостоящую рекламную кампанию. Бельгийские следователи предъявили Фанчини обвинение в фиктивном банкротстве. Его причастность к наркоторговле доказать они не смогли, но на этот раз Рикардо Фанчини все же угодил в тюрьму: в 1998 году он был осужден на четыре года лишения свободы.

Контрольный выстрел

В феврале 1996 года начальник линейного управления милиции в международном аэропорту «Шереметьево-2» Геннадий Губанов расписывал корреспонденту «Коммерсанта» свои достижения. «У нас все спокойно, – рассказывал Губанов (в будущем он станет руководителем всей транспортной милиции страны). – За последние несколько лет, в отличие от других аэропортов, не было ни убийств, ни изнасилований. Правда, бизнесменов похищают, но мы же не можем приставить к каждому пассажиру охрану».³

Похищения бизнесменов полковник упомянул не просто так: за пару месяцев до интервью из зала вылета «Шереметьево-2» был похищен американский бизнесмен Марк Нудель – создатель СП «Русская Америка» и отец водки «Белый орел». 25 декабря 1995 года Нудель приехал в аэропорт: он собирался лететь домой в Нью-Йорк встретить Новый год в кругу семьи. Но внутри здания его уже поджидали. Двое людей в штатском предъявили Нуделю корочки сотрудников ФСБ и попросили сесть в припаркованную у входа «девятку» с тонированными стеклами. Больше Марка Нуделя никто не видел. На следующий день родственникам бизнесмена позвонили похитители и потребовали выкуп – три миллиона дойчмарок, которые нужно было перевести на счет немецкой компании. Деньги перевели. Оттуда они ушли на Кипр, с Кипра – в одну из африканских стран. И на этом их след терялся. К поискам бизнесмена подключились следователи ФБР, которые выдвинули версию о том, что похищение было инсценировкой. Однако это было не так: 18 марта тело Марка Нуделя выловили из реки Пахра под Подольском. Преступников так и не нашли.

В июле 1998 года 48-летний Рахмиэль Брандвайн вышел из своего офиса в центре Антверпена на оживленную улицу. Проблемы, возникшие у его компаньона Фанчини, не затронули Брандвайна. По документам он не имел отношения к Kremlyovskaya Group, которую в прессе называли не иначе как «Кремлевская банда». Более того, Брандвайн охотно раздавал интервью бельгийским газетам, рассказывая о делах русской мафии и выставляя себя невинной жертвой, именем которой воспользовались торговцы наркотиками.

Он прошел всего несколько метров, как кто-то сзади окликнул его по имени. Брандвайн обернулся и тут же получил пулю в живот. Затем последовал контрольный в голову. Убийца хладнокровно подобрал гильзы и растворился в узких улочках старого фламандского города. Свидетели лишь смогли сказать, что это был мужчина славянской внешности с длинными светлыми волосами.

В апреле 1999 года 40-летний Борис Федоров был найден мертвым в своем коттедже на берегу Бутаковского залива на севере Москвы. После покушения бывший глава НФС серьезно относился к безопасности: огромный забор, вооруженная охрана, видеонаблюдение. Врачи констатировали сердечную недостаточность. СМИ назвали смерть Федорова «странной».

Тилипман после краха «Кремлевки» остался в России: у его фирмы «Бенитекс» все еще был крупный склад, оформленный на фирму «Консто», на той же 5-й Магистральной улице. Вокруг нее развернулась настоящая война с перестрелками и вооруженными захватами. Дело в том, что на склад «Консто», сохранявший аккредитацию Национального фонда спорта, поступал конфискат – арестованная нелегальная водка, которая затем проходила легализацию и пускалась в оборот. Вечером 9 августа 2002 года 42-летний Яков Тилипман на «Форде» заехал в ворота своей дачи, расположенной на окраине подмосковной Опалихи. Там его уже поджидали. Двое убийц разрядили в него обоймы ПМ, четыре пули попали в цель.

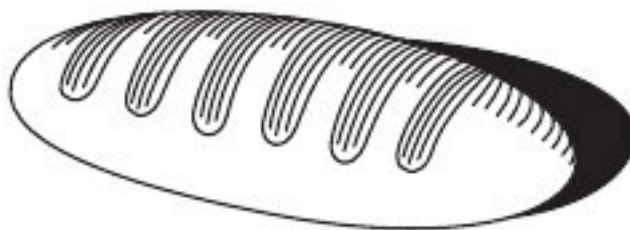
³ Варькович М. Жизнь «Шереметьева-2» // Коммерсантъ. 1996. № 30. 24 февраля. С. 19. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/127592>.

К моменту гибели Тилипмана его бывший босс Рикардо Фанчини уже вышел на свободу. Он поселился в Лондоне, а бизнес организовал в еще одной точке мира, любимой русскими гангстерами, – испанской Марбелье. Вместе с неизменным Робертом Гаспаром, который заправлял делами на месте в Испании, они построили элитный коттеджный поселок. Впоследствии выяснилось, что партнеры подкупали местных чиновников, чтобы получать разрешения на строительство без законных на то оснований, и к тому же не платили налогов.

Гаспар в очередной раз исчез – чтобы всплыть спустя десять с лишним лет на Филиппинах. А до Фанчини все-таки добралось ФБР: американцы сумели собрать доказательства причастности Фанчини к контрабанде в США 1,8 миллиона таблеток экстази общим весом 424 кг и попытке контрабанды четырех тонн кокаина. Рикардо Фанчини грозило пожизненное заключение, но в итоге суд дал ему лишь десять лет. Гангстер активно сотрудничал со следствием и, как писали американские газеты, дал показания на членов русской мафии в Марбелье и на торговца оружием Виктора Бута, за которым долго охотились ФБР и ЦРУ. Фанчини освобожден в 2017-м. Польская пресса со ссылкой на собственные источники писала, что он переехал в Индонезию и занялся проектом, связанным с аквакультурой.

«Кремлевскую» водку пытался возродить Юрий Шефлер – но о нем мы будем много и подробно говорить в третьей главе. Да и участие его в судьбе «Кремлевской» оказалось минимальным. В 2003 году он приобрел права на товарный знак за 60 миллионов долларов. Однако бизнес не сложился. Торговый дом «Кремлевский», принадлежащий управделами президента России, зарегистрировал права на использование слова «Кремль» в названии потребительских товаров и грозил Шефлеру судебными разбирками из-за «Кремлевской». И в 2013 году Шефлер продал бренд компании «Классика Интернешнл». Ее владельцем журнал *Forbes* называл молдавского бизнесмена Илона Шора, а одним из совладельцев – известного кутюрье Валентина Юдашкина. Но на рынке «Кремлевскую» с тех пор никто не видел.

Глава 2: «Смирновская» в которой у бывшего охранника Горбачева просыпаются купеческие гены

Баталия на Пятницкой

Утром 4 ноября 2000 года редкие прохожие, оказавшиеся в самом начале Пятницкой улицы в Замоскворечье, оказались свидетелями довольно обыденного по тем временам мероприятия, прозванного в народе «маски-шоу». Несколько десятков одетых в черную форму чоповцев при поддержке нескольких милиционеров и судебных приставов пытались выбить массивную дубовую дверь в типичном для этого уголка Москвы трехэтажном особняке XIX века. Люди по ту сторону двери к визиту захватчиков были явно готовы и отчаянно защищались: в штурмовиков летели массивные стеклянные бутылки. А когда первая преграда в виде двери была преодолена, на пути сотрудников ЧОП встали настоящие баррикады.

Штурм продолжался несколько часов. На Пятницкую подъезжали машины скорой помощи, усиленные наряды милиции и телевизионные группы, которые успели зафиксировать капитуляцию защитников особняка. Изрядно помятые люди – охранники и менеджеры – покинули здание. Последней из выломанных дверей на Пятницкую вышла женщина средних лет с перевязанной головой. Ее звали Елена Смирнова. Из окна второго этажа за тем, как ее усаживают в скорую, наблюдал внушительных размеров мужчина с окладистой бородой – ее муж Борис Смирнов. Он категорически отказался покидать свой кабинет, заставленный антикварной мебелью, а захватчики не посмели применить силу.

Московский водочный король Борис Смирнов с грустью смотрел на последствия разгрома. Вероятно, он понимал, что полуторавековой империи водочников Смирновых наступит конец. Нет, штурмом семейного особняка «поставщика двора Его Императорского Величества Петра Арсеньевича Смирнова у Чугунного моста в Москве» война за самый известный в истории водочный бренд еще не закончилась. Впереди были многие годы судебных тяжб. Но главную битву Борис проиграл.

Для того чтобы понять, что же именно привело к весьма неприглядной баталии, развернувшейся в полукилометре от Кремля осенью 2000 года, нам придется на некоторое время заглянуть вглубь семейной истории клана Смирновых.

Краткая маркетинговая легенда водки Smirnoff – самой известной и самой продаваемой сегодня водки в мире – звучит примерно так. Россия с давних времен известна всему миру как «страна водки», русскую водку всегда ценили за рубежом, ее поставляли ко многим европейским королевским дворам. Особых успехов в XIX веке добилась московская фирма купца Петра Арсеньевича Смирнова: ее продукция произвела фурор на престижных международных выставках, после чего купец обрел статус «поставщика российского императорского двора».⁴

⁴ По данным Drinks International, в 2019 году было продано 230 миллионов литров Smirnoff. Для сравнения: объемы

После Октябрьской революции наследники купца Смирнова бежали за границу, прихватив с собой секретные семейные рецепты водочного производства. Уже в эмиграции они продали права на бренд американцам, мечтавшим возобновить производство легендарной водки Смирнова. Потребители в США помнили о невероятном успехе этого напитка на выставках в Филадельфии и Чикаго и изнывали в ожидании возобновления поставок легендарной русской водки. И действительно: водка Смирнова, сменившая имя на Smirnoff, стала продаваться в немыслимых объемах, покорив рынок и выйдя на первые места во всевозможных рейтингах. Нынешним владельцем бренда после череды сделок стала транснациональная корпорация Diageo со штаб-квартирой в Великобритании.

Как и в любой маркетинговой легенде, правдива здесь лишь общая канва событий. На деле же все было не совсем так.

Поставщик царского двора

На современной бутылке классической водки Smirnoff № 21 обозначена дата основания компании – 1864 год. Именно в этом году 33-летний купец Петр Смирнов, управлявший до того в Замоскворечье двумя ренсковыми погребами, начал производство собственного «хлебного вина», то есть самогона, и «водки», под которой тогда понимали разного рода крепкие настойки. Один из его магазинов находился на углу Пятницкой улицы и Овчинниковской набережной. Этот дом молодой купец впоследствии выкупил полностью, превратив в офис своей фирмы. На первом этаже располагался магазин, конторские помещения занимали весь второй этаж, а третий был отдан под «родовое гнездо» Смирновых – квартиры членов их большой семьи.⁵

Петр Смирнов вовсе не был пионером водочного производства в России. К середине XIX века крепкий алкоголь выпускали уже несколько тысяч небольших компаний по всей стране, а родной дядя Петра, Иван Смирнов, был к тому времени человеком известным в деловых кругах: ему принадлежало в первопрестольной несколько крупных винных магазинов и водочный завод, а также винзавод в Дагестане. Иван Смирнов был старостой (говоря современным языком – главой попечительского совета) Успенского собора Московского Кремля, где венчались на царство русские императоры. В его обязанности входил сбор денег с богатых прихожан, таких же купцов, как и он сам, и организация реставрационных работ. Поэтому, чтобы не путать водочников Смирновых между собой, в Москве их начали называть по адресам их магазинов. Авторитетного Ивана – «Смирновым с Варварки», а его молодого племянника Петра – «Смирновым у Чугунного моста».

Успех водочного бизнеса Петра Смирнова во многом предопределил удачный маркетинг. В те времена такого слова, разумеется, никто не знал и учебников по продвижению товара еще не существовало, однако Петр разумно рассудил, что увеличить продажи можно за счет повышения узнаваемости бренда. Он много тратил на рекламные плакаты и объявления, а также рассылал по кабакам специально обученных людей, которые громко заказывали «смирновскую водку», а затем всячески ее расхваливали. (Позже этот нехитрый трюк возьмут на вооружение многие другие производители крепкого алкоголя в России.) Еще одним успешным маркетинговым ходом Смирнова стало участие в разнообразных международных выставках, где его напитки завоевывали почетные медали. Как проходили дегустационные конкурсы в рамках тех выставок, никто уже точно не знает, однако награды были – о чем пиар-служба Смирнова (или как она тогда у него называлась) размещала заметки в самых популярных газетах Москвы и Санкт-Петербурга, неизменно отмечая, что это не просто успех купца Смирнова, а «победа всей России». ⁶

Как и сегодня, в те времена власти были весьма равнодушны к тому, что о России говорят на Западе. После того как водка Смирнова получила медали на выставках в Вене, Париже и Филадельфии, купца заметили при царском дворе. В 1885 году император Александр III, который и сам любил выпить, пожаловал компании Петра Смирнова статус официального поставщика царского двора, а его самого наградил орденом Святого Станислава III степени и потомственным дворянством. Так водка Смирнова стала главной водкой Российской империи.

⁵ Ренсковыми погребами в царской России называли то, что мы сегодня знаем как алкомаркеты, – магазины, продающие алкоголь навынос. Само слово «ренсковый», как считается, не что иное, как искаженная вариация слова «рейнский», ведь именно немецкие рислинги с берегов Рейна в то время были самым продаваемым в России импортным вином.

⁶ Например, такой маркетинговый прием приписывают пионеру отечественного коньячного производства Николаю Шустову. Тот якобы нанимал в Париже мужчин, как сказали бы сегодня, модельной внешности, которые устраивали шумные скандалы в парижских кафе, возмущаясь отсутствием в меню Шустовского коньяка из России.

Бизнес Смирнова процветал. В конторе ему помогали сыновья от первого брака – Петр-младший и Николай. Во втором браке у него родились еще трое сыновей: Владимир, Сергей и Алексей. И все вместе они были наследниками компании, обороты которой достигали 20 миллионов рублей в год – колоссальная по тем временам цифра.

Однако еще через десять лет все пошло наперекосяк. В 1894 году новый министр финансов Сергей Витте затеял грандиозную алкогольную реформу. Акцизы от водки в XIX веке играли ту же роль, какую сегодня играет нефть. Эти поступления формировали треть доходной части государственного бюджета. Витте решил, что частный бизнес получает неоправданно большие куски от этого стратегического пирога, и ввел государственную монополию на розничную продажу алкоголя. Теперь все кабаки и винные магазины стали государственными. Заводы, производящие спирт, остались у частных, но они теперь обязались продавать его государству по фиксированным ценам. Цены были низкими, поэтому спиртовики, чтобы не обанкротиться, старались снижать себестоимость.

Сделать спирт дешевле удалось при помощи технической новинки – гигантских ректификационных колонн, которые пришли на смену традиционным перегонным дистилляционным кубам. Колонны обеспечивали экономию, и для ректифицированного спирта годилось любое сырье – например, дешевый картофель вместо более дорогой ржи, использовавшейся до этого. Объемы росли, процесс шел быстрее. Из такого спирта на государственных «винных складах» (так тогда назывались современные ликеро-водочные заводы) производилась самая дешевая и популярная водка «казенное вино». Частникам типа Смирнова осталась лишь «премиальная» ниша: различные настойки, наливки, ликеры. Объемы продаж у них рухнули в десятки раз.

В 1898 году Петр Смирнов умер, оставив бизнес и 15 миллионов рублей наследства своей супруге и пятерым сыновьям. У руля водочной империи встал его старший сын Петр, вскоре выкупивший доли братьев: Сергей и Алексей были еще несовершеннолетними, а Николай и Владимир больше увлекались светской жизнью, чем семейным бизнесом. Но возродить былую славу компании отца Петру Петровичу оказалось не суждено: винная монополия не давала расти бизнесу. В 1910 году умер и Петр-младший. Бизнес унаследовала его вдова, которая, впрочем, редко появлялась в Москве, предпочитая жить в Италии. Но это уже и не имело особенного значения. В 1914 году началась Первая мировая, в России ввели сухой закон. Заводы Смирнова перепрофилировались на выпуск уксуса и ягодных морсов. После революции все имущество купцов Смирновых было национализировано. На месте завода на Садовнической улице, где производилась легендарная смирновская водка, открылся Московский завод шампанских вин, позже переименованный в «Корнетъ». Сейчас на его месте построили элитный жилой комплекс Wine House.

Однако с падением царской империи и крахом компании купцов Смирновых началась новая история водочного бренда «Смирнов», приведшая в итоге к штурму их родового гнезда на Пятницкой, с которого мы начали этот рассказ.

В коктейле Бонда

Из всех сыновей основателя водочной империи Смирновых главным тусовщиком считался третий – Владимир. До 1904 года он работал в семейной компании, отвечая за технологические процессы и дизайн этикеток. Но гораздо больше водки молодого миллионера интересовали скачки, светские салоны и актрисы. Владимиру Смирнову принадлежала лучшая конюшня Москвы – на Скаковой улице. Женитьба на примае Александринского театра Александре Никитиной позволила ему войти в круги театральной и литературной богемы: он водил дружбу с Чеховым, Станиславским, Горьким. После революции Владимир Смирнов бежал за границу. Оказавшись в Константинополе и лишившись всего состояния, он решил вернуться к истокам и начал выпускать водку, сделанную по рецепту отца. Но в Турции он надолго не задержался. Через Софию и Львов (где, кстати, Владимиру впервые пришла идея писать название фамильного напитка латиницей на французский манер – с двойным ff на конце) эмигрантская судьба в итоге привела Владимира Смирнова во Францию, где образовалась самая большая колония эмигрантов первой волны. Они-то – подумал он – и будут покупать его водку Pierre Smirnoff. Но покупательскую способность своих бывших соотечественников он серьезно переоценил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.